

Исторические портреты. ДЖУЛИО МАЗАРИНИ

Автор: Л. И. ИВОНИНА

Ивонова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного педагогического университета.

Жизнь и судьба Джулио Мазарини и по сей день являются наиболее необычными и таинственными в европейской истории XVII века. Итальянец по происхождению, солдат, дипломат, тайный агент двух государей, он, получив кардинальскую шапку, в течение восемнадцати лет определял судьбы Франции и Европы и подготовил к государственной деятельности Короля- Солнце Людовика XIV, во время правления которого Франция являлась самой могущественной державой Европы. По сути, история восхождения Мазарини - это история тех европейских государств, в которых он жил и которым служил, в первую очередь Франции. Человек действия, он не тратил, подобно своему великому предшественнику на посту первого министра Франции кардиналу Ришелье, времени на то, чтобы выразить свои мысли об обществе и правлении на бумаге, описать историю своего восхождения к вершинам власти. Потомкам осталась лишь его многочисленная деловая корреспонденция ¹ .

Кроме того, итальянец Мазарини как никто другой испытал на себе неприязнь со стороны французов, которыми ему пришлось управлять, а его репутация постоянно зависела от сравнения с кардиналом Ришелье. Это создало ему своеобразное клише в истории. Очевидно, поэтому в глазах современников и трудах авторов последующих поколений его деятельность не получала адекватной оценки. Историки-романтики первой половины XIX в. вслед за блестящим французским аристократом, писателем и сатириком XVII века Франсуа де Ларошфуко и французские писатели, подобно Дюма-отцу, считали его одним из виновников политического хаоса во Франции середины XVII в. Так, в "Истории Франции в министерство кардинала Мазарини" под редакцией Ж. Базена он характеризуется следующим образом: "Кардинал Мазарини забыл, что такое честь и совесть, когда боролся за первое место в государстве... он пробился лишь благодаря мощной воле кардинала Ришелье" ² .

Конечно, современники отмечали наряду с отрицательными и положительные черты Мазарини. Ларошфуко подчеркивал, что "ум его был обширен, трудолюбив, остер и исполнен коварства; характер - гибок, даже можно сказать, что у него его вовсе не было, и что в зависимости от своей выгоды он умел надевать на себя любую личину". А покровительствовавший ловкому,

стр. 92

вкрадчивому и обходительному итальянскому дипломату кардинал Ришелье видел в нем достойного продолжателя своего дела и перед своей смертью говорил ему: "Джулио, зная Вас очень хорошо, я предсказываю, что фортуна Ваша пойдет далеко, даже, может быть, дальше моей, ибо Вас природа создала настолько гибким, что Вы проскользнете в такой проход, которого я даже не замечу. Если бы нужно было обмануть дьявола, я прибегнул бы к Вашим талантам" ³ . Подобных высказываний

современников Мазарини множество, и все они, независимо от общего оттенка - отрицательного или положительного - подчеркивали выдающийся ум, ловкость и хитрость, осторожность и вместе с тем авантюризм кардинала.

Лишь в последнее время фигура Мазарини начинает приобретать более respectable вид, хотя исследований о нем и сейчас меньше, нежели о кардинале Ришелье. Самой главной особенностью его биографий и сегодня остается подчеркивание авантурных и барочных черт обыденного и политического поведения кардинала, в целом согласующихся с позитивной оценкой его деятельности⁴. В этой связи следует упомянуть об изданной в 2000 г. на русском языке книге известного французского историка Пьера Губера, в которой исследуется социально-политическая история Франции середины XVII в., на фоне которой подан несколько приукрашенный портрет честолюбивого политика⁵. Примечательно, что Губер почти не доверяет свидетельствам современников Мазарини, что представляется не совсем верным, поскольку познать этого человека в значительной степени можно путем сравнительного анализа мнений его противников и сторонников. Жизнь Мазарини по-прежнему полна тайн.

Однажды в 1615 г. мирный покой гор и зеленых равнин Абруццы был нарушен страшным землетрясением, унесшим жизни более чем 30 тыс. человек. Среди разрушенных домов один принадлежал семье Буффалини. Здесь 14 июля 1602 г. в семье сицилийского дворянина из Палермо Пьетро Мазарини и его жены Гортензии, урожденной Буффалини, родился старший сын Джулио. Спустя почти два столетия, 14 июля 1789 г. в Европе произошло другое потрясение: в Париже пала крепость-тюрьма Бастилия. Это событие послужило демонстрацией крушения Старого порядка во Франции, с созданием и упрочением которого была связана жизнь человека, родившегося в этот день в начале XVII века.

Пьетро Мазарини приехал в Рим из Палермо бедным молодым человеком двадцати лет. Его брат-иезуит Джулио Мазарини - первый член клана, получивший общественное признание, - помог устроиться своему родственнику, лелеявшему радужные планы, мажордомом в знаменитый римский дом Колонна. Служба была необременительной и денежной. Пьетро назначили ответственным за администрацию поместий и сбор налогов, на чем он сам немало обогащался. Возможно, знание о незаконных доходах отца с самого раннего детства возбуждало у Джулио желание стать богатым. В доме Колонны Пьетро познакомился с красавицей Гортензией Буффалини, дочерью одного из самых знатных людей Рима. Неудивительно, что молодой мажордом влюбился без памяти. Они вскоре поженились и уехали на два года в одно из поместий Гортензии - в Абруццу, где и появился на свет их первенец Джулио⁶.

Жизнь великих людей всегда обрастает легендами. Целый ряд исследователей жизни Мазарини предполагают, что его настоящим отцом был Колонна, а не Пьетро. Основанием послужили сроки рождения Джулио (он был зачат в Риме) и то обстоятельство, что Гортензия была весьма кокетливой и легкомысленной. Она благосклонно принимала ухаживания Колонны. Но тот был давно женат, и, якобы, чтобы скрыть свой грех, выдал ее замуж за Пьетро, обеспечив богатым приданым. Есть еще один аргумент в пользу этого предположения - патрон Пьетро всю жизнь заботился о Джулио и следил за его карьерой⁷. Все может быть. Тем не менее, характеры официального отца и сына очень схожи, и Джулио всю жизнь почитал Пьетро и регулярно писал ему письма. Благосклонность же Колонны можно

тическими убеждениями и благодарностью за услуги отца и впоследствии сына.

Джулио с юных лет отличался феноменальной памятью, большой эрудицией, имел серьезный и пытливый ум, удивительно сочетавшийся в нем с непомерной подвижностью и шаловливостью. При этом мальчик был внешне очарователен и походил на ангелочка. "Какой хорошенький", - шептали ему вслед. Бесенку с ликом ангела все прощали. Как часто внешность детей влияет на их дальнейшую судьбу! Непоседливый мальчик особенно полюбился Бенедетти, бездетному секретарю Колонны. Тот часто играл с ним, а во время приема посетителей Джулио нередко прятался под столом, усиленно изучая туфли вошедших. После он вполне серьезно и чаще всего правильно высказывал свое мнение об этих людях.

С согласия и одобрения своего патрона Бенедетти решил, что Джулио должен получить солидное по тем временам образование. В 1609 г. семилетний отрок был определен в Римскую Коллегию - бастион просвещения иезуитов. Это учебное заведение было признанным лидером реформированного и воинствующего католицизма и одним из инструментов распространения папской власти. Там он показал прекрасные способности к изучению всех без исключения предметов и умение выступать на диспутах. В документах Коллегии тех лет отмечались его "добрый дух, способности и грациозные манеры". Перед юным Мазарини открывалась блестящая духовная карьера. Однако подвижный и гибкий ум будущего священника не вынес иезуитской схоластики и поведения. С 1616 г. Джулио изучал право в Римском университете, а в 1622 г. сдал экзамены на степень доктора. В 1618 - 1620 гг. он сопровождал в качестве компаньона сына Колонны Джироламо на учебу в испанский университет Алькала, где в кратчайший срок успевает изучить испанский, обзавестись необходимыми связями и получить степень доктора права этого университета. Всегда склонный к риску, он вскоре записывается в папскую армию в Испании в качестве солдата. На военной службе у него подметили дипломатические способности, умение разбираться в людях и общаться с ними. В принципе, эти качества плюс соответствующие дипломы обеспечили его будущую карьеру дипломата⁸.

В 1622 г. Коллегия отмечала важное событие - канонизацию И. Лойолы, основателя ордена иезуитов. Джулио вместо заболевшего актера поручили сыграть роль Лойолы и произнести по этому поводу торжественную речь. Сыграл он великолепно, но в своей речи выразил некоторые сомнения по поводу канонизации, выявил "грехи" Лойолы, о которых церковь позабыла или старалась не упоминать. Пожалуй, первый и единственный раз в жизни будущий мастер компромиссов не пошел на компромисс. Это послужило ему уроком. Но еще много раньше поведение Джулио контрастировало с образом жизни большинства его сокурсников. Он имел приятелей из числа праздных молодых дворян и сыновей денежных мешков, проводил вечера за картами, где однажды проиграл свои шелковые штаны, за шутками и попойками, либо гулял с друзьями по городу, задирая прохожих и нередко вступая в драки. Веселая компания не гнушалась даже воровством, что потом любили при случае

вспоминать недруги Мазарини. Все это, да еще выходка на праздновании канонизации И. Лойолы стоили ему иезуитской карьеры⁹. Священником тогда Мазарини не стал, но был даже рад такому обороту событий.

По сути, молодой человек являлся подлинным детищем барочного Рима с его неподражаемым стилем, отражавшим свою эпоху. Этот стиль выражал субординацию иерархического общества, все возраставшую силу и власть абсолютных государей и образ их жизни. Одновременно барочные линии казались непостоянными и изменчивыми - Барокко являлся спонтанным продуктом распространявшегося хронического пессимизма в обществе, предчувствия войны и трагедии. Как папская столица, Рим был городом с претензиями на универсализм и подавляющим индивидуализм. Он являлся цитаделью церкви, которая послала на костер Джордано Бруно незадолго до рождения Мазарини. Рим был городом с четкими ограничениями для людей,

стр. 94

которые могли и желали мыслить, городом, где люди учились изворачиваться, ожидали чуда каждый божий день и надеялись на счастливый случай. Свободолюбивый и энергичный Джулио не верил в чудеса, а учился изворачиваться и уповал на случай. Последний не замедлил представиться.

В 1624 г. по протекции Колонны, командующего папской армией, Мазарини в качестве капитана римских войск был направлен в Миланский гарнизон. Здесь уместно вспомнить еще одну легенду, связанную с его именем. По пути в Милан Джулио якобы встретился с пармским астрологом, тогда считавшимся лучшим ясновидящим в Италии. Астролог предсказал Мазарини блестящую карьеру во Франции и кардинальскую мантию в 40 лет¹⁰. Люди XVII века верили в такие вещи, и не исключено, что после этого случая у молодого человека окрепла уверенность в своих возможностях, удаче и судьбе.

По приезду в гарнизон Мазарини получает повышение - становится секретарем римского посольства в Милане. Этим временем датируется письмо Джулио отцу, где он выражает удовлетворение своей дипломатической деятельностью, которая в гораздо большей степени, чем карьера иезуита-священнослужителя, отвечала потребностям его натуры. С помощью приятного обхождения, тонкой дипломатической игры и умелого ведения дел ловкий и красивый секретарь приобретает признательность и поддержку Колонны, папского нунция в Милане Саккетти и становится известен римскому папе Урбану VIII и его окружению.

Судьба начинающего политика была во многом определена и обусловлена Тридцатилетней войной (1618 - 1648 гг.) - важнейшим событием политической и международной жизни XVII в. и первой общеевропейской трагедией в истории. Это событие совместило в себе все - борьбу средневекового и нового, рационального и конфессионального, прогресса и регресса, и являлось настолько многомерным и многоплановым, что ряд историков вслед за современниками войны становились на позиции гиперкритицизма. Мол, Тридцатилетняя война - это не целостное временное событие, не следствие религиозного рвения или государственного прагматизма, а

лишь локальные вооруженные разборки. Война как бы растворяется во времени: она есть и ее нет. Это лишний раз подчеркивает эклектику эпохи Барокко, в которой все, подобно самому барочному храму, сплетается в многоформенную и загадочную композицию. Анатомия Тридцатилетней войны - это анатомия Барокко, где каждому, кто заинтересуется ею, открывается масса неординарного и противоречивого.

В Тридцатилетней войне принимали прямое или косвенное участие все страны Европы, здесь столкнулись и получили полное либо частичное разрешение противоречия перехода от средневековья к новому времени. В ту эпоху формировались централизованные территориальные государства, возникали и крепились абсолютные монархии, начинались первые революции, приводившие к формированию правовых государств на континенте. Эти процессы вызвали к жизни появление новых межгосударственных отношений. Фактически первая общеевропейская война была разрешением долгого противостояния двух политических направлений развития континента - универсалистского и антиуниверсалистского. На протяжении войны и по ее окончании основой внешней политики окончательно становится государственный интерес, постепенно и долго освобождавшийся от религиозной оболочки.

В сущности, именно авторитет блестящего дипломата и человека "компромиссов", приобретенный за годы войны, позволил Мазарини в конечном итоге стать во главе самого могущественного централизованного государства в Европе - Франции. Впервые Мазарини становится широко известен в Европе благодаря спору по поводу пресловутого "мантуанского наследства". В 1627 г. умер герцог Мантуанский Винченцо II Гонзага (знаменитые камни этой фамилии хранятся в Санкт-Петербургском Эрмитаже). Его наследство должно было перейти к представителю боковой ветви Гонзага, французскому герцогу Шарлю де Неверу. Чтобы не допустить усиления французского влияния в Италии, Мадрид оружием поддержал претензии на Мантую друго-

стр. 95

го родственника Винченцо герцога Савойского Карла-Эммануила, ставшего врагом Франции и насильно отрезавшего от мантуанского наследства в свою пользу часть маркизата Монферрато. Император Священной Римской империи Фердинанд II тоже присоединился к дележу "мантуанского наследства", в результате чего над Францией нависла угроза полного окружения испанскими и австрийскими Габсбургами.

В январе 1629 г. первый министр французского королевства кардинал Ришелье вынашивал планы открытой войны с Испанией с целью ограничить ее господство в Северной Италии¹¹. Неожиданно для всех в конце марта того же года кардинал вторгся во главе французской армии через Альпы в Италию, повторив подвиг Ганнибала и предварив знаменитый переход Суворова. Прорвавшись через Сузское ущелье, французы нанесли ряд поражений испанским и савойским войскам и овладели крепостью Казале. 19 апреля в Сузе был подписан договор между Францией, Савойей и Венецией, подтверждавший права де Невера на Мантую и Монферрато. Казалось, это успех. Однако через месяц Фердинанд II направил свои войска в Ломбардию, а испанский генерал Спинола напал на Монферрато.

Вследствие этого во Франции вновь формируется армия, которая в начале 1630 г. вторгается в Пьемонт и в конце марта овладевает крепостью Пинероло, откуда открывались пути на Милан, Геную и в Швейцарию.

Эти события обеспокоили папу Урбана VIII, главной задачей которого в то время было сохранить статус кво в Северной Италии. С целью примирить враждующие стороны в район боевых действий был послан Мазарини в качестве помощника легата Антонио Барберини, главные усилия которого были сосредоточены на том, чтобы обеспечить свободу альпийских проходов как для французов, так и для испанской армии. Молодой дипломат видел, что победы Габсбургов на первом и втором этапах Тридцатилетней войны (1618- 1623, 1625 - 1629 гг.) могут привести к созданию универсальной монархии, диктующей свою волю всей Европе. Вместе с тем, он обратил внимание на Францию, население которой было в два раза больше, чем в Испании, и первый министр которой начал править столь эффективно, что его решения стали существенно влиять на ход событий на континенте. Выполнить задачу помогли не только дипломатические способности, но и хорошая осведомленность о внутренней ситуации и главных внешнеполитических планах Испании и Франции.

29 января 1630 г. состоялась первая встреча Мазарини и Ришелье в Лионе. Французский кардинал подозрительно воспринял приезд неизвестного ему итальянца: "Мазарини прибыл сюда скорее шпионить и вынюхивать... Я полагаю, что он может представлять наших врагов... он может быть таким же испанцем и савойцем, как и проповедником" ¹² . Но в ходе встречи его предубеждение рассеивалось - предложения молодого дипломата были достаточно серьезны. Вежливая и ненавязчивая манера Мазарини, его готовность слушать и воспринимать доводы собеседника покорили Ришелье. Посланник папы упомянул о трудностях зимней кампании в Италии и немного преувеличил готовность савойской и испанской сторон идти на переговоры. В результате Мазарини обеспечил несколько встреч между Ришелье и Спинолой, эффективность которых особенно возросла вследствие того, что дизентерия и тиф основательно подорвали боеспособность армий враждующих сторон.

Французский министр надолго запомнил и оценил способности и чутье молодого человека. "Мой инстинкт подсказал мне, что передо мной гений", - позднее записал в своих "Мемуарах" Ришелье ¹³ . И с того времени, хотя Мазарини по-прежнему добросовестно служил Святому Престолу, он стал благоприятствовать интересам Франции в Европе. На одной из встреч с Ришелье в Пинероло в апреле 1630г. Мазарини познакомился еще с одним примечательным человеком - отцом Жозефом. Этот незаметный капуцин, которого именовали "серым кардиналом", был самым доверенным лицом и, пожалуй, единственным другом первого министра Франции. Отец Жозеф

имел явные прокатолические симпатии и был не прочь поддерживать мирные отношения с Габсбургами и католическими князьями Империи. Он позволял себе часто спорить со своим господином и другом, и тот это терпел, поскольку понимал,

что для его оппонента прежде всего важны государственные интересы Франции. Аскет Жозеф и жизнелюб Мазарини были явными противоположностями, но в деле заключения мира в Северной Италии капуцин явно подыгрывал папскому посланцу, стараясь умерить итальянские амбиции Ришелье. В июне 1630 г. открылся имперский рейхстаг в Регенсбурге, на котором попутно шли напряженные переговоры о заключении мира. Официальным представителем Франции там был отец Жозеф, папы римского - Барберини, все дела которого вел Мазарини. Головокружительный успех Габсбургов на втором этапе Тридцатилетней войны делал императора Фердинанда довольно упрямым и не желавшим признавать достижений Франции в Северной Италии. Жозефу и Мазарини пришлось несладко, но все же серия мирных договоров на выгодных для Франции условиях была подписана в Регенсбурге (1630 г.) и в Хераско (1631 г.)¹⁴.

Существует мнение, что с начала 30-х годов XVII в. итальянец становится тайным агентом Ришелье, хотя эта версия ничем существенным, кроме конфиденциального тона писем Ришелье к Мазарини не подтверждается. В 1631 - 1632 гг. при посредничестве Мазарини был заключен ряд выгодных для Франции соглашений с Савойей и властями Турина, закреплявших возможность прохода французских войск через Северную Италию. Одновременно он несколько раз посетил Париж, где приобрел важные для него в будущем связи. Абель Сервьен, способнейший политик и военный министр Франции, становится другом Мазарини на всю жизнь. Свои впечатления о новом знакомом он выразил так: "Этот господин Мазарини - самый достойный и самый умелый из слуг Его Святейшества"¹⁵.

Папа Урбан VIII также был чрезвычайно доволен дипломатическими успехами своего посла. Во время пребывания во Франции 18 июня 1632 г. нунций Бичи совершил в церкви Сен-Менгуль на юге Франции скорый обряд посвящения Мазарини в духовный сан, на что последний пошел ради карьеры и богатства: по приезде в Рим он становится каноником церкви Св. Иоанна Латеранского, затем прелатом с почетным обращением "монсиньор". Его включают в состав секретариата римской курии в должности протонотариуса. Но в Риме Мазарини долго не задержался: клан Барберини знал его истинные таланты. В 1633 г. Мазарини становится вице-легатом и чрезвычайным послом в Авиньоне¹⁶. Урбана VIII интересовала Франция.

В ноябре 1634 г. к Парижу приближалась одинокая карета. В экипаже, выглядевшем довольно представительным и богатым, находился подтянутый молодой человек в сопровождении нескольких слуг. Багаж путешественника составляли превосходные картины итальянских художников, включая Тициана, и другие произведения искусства - дары римского кардинала Антонио Барберини кардиналу Ришелье. Мазарини официально был направлен в Париж в качестве чрезвычайного нунция папы римского с целью предотвратить назревавшее столкновение между Францией и Испанией и новый виток европейской войны.

К этому времени после блестящих побед шведской армии перевес в Тридцатилетней войне вновь получила габсбургская коалиция. В 1632 г. был убит в битве при Лютцене глава антигабсбургского блока шведский король Густав II Адольф, а в 1634 г. шведы были окончательно разбиты при Нордлингене. После этих событий Мазарини пришел к выводу, что его миссия, в сущности, невыполнима. Нереальные цели заставляли его быть крайне деликатным; он знал о твердых намерениях Ришелье вступить в Тридцатилетнюю войну и возглавить антигабсбургскую

коалицию. "Вы можете мне поверить, - писал Мазарини Сервьену, - что я не хотел связывать себя переговорами, которые обречены на провал..."¹⁷ Но быть в Париже и общаться с человеком, которого он считал гением и олицетворением судьбы Франции, - этого уже было достаточно для оптимистического настроения молодого нунция.

стр. 97

Мазарини не смог найти доводы в пользу мира. И все же от имени папы он предлагает созвать два мирных конгресса: первый - с католическими противниками Франции, второй - с представителями обеих конфессий. Поразительно, но дальновидный итальянец фактически предугадал будущую процедуру проведения вестфальских переговоров, венчавших в 1648 г. окончание Тридцатилетней войны. Официально миссия Мазарини закончилась неудачей - 19 мая 1635 г. Франция объявила войну Испании. Однако за это время папский нунций успел приобрести еще большее расположение первого министра Франции и произвести приятное впечатление на королевскую чету.

В 1636 г. Мазарини был отозван обратно в Рим на три года, но Францию, полюбившуюся ему, не мог забыть. Из этой страны он также увез с собой образ женщины, глубоко запавший ему в душу. Пожалуй, настолько серьезно это произошло впервые, хотя Джулио с ранней юности пользовался исключительной популярностью у женского пола и любил многих женщин. Любовь к нему пришла яркой, зрелой и самой блестящей - дамой его сердца и владычицей его дум стала никто иная, как французская королева Анна Австрийская, считавшаяся в первой половине XVII в. красивейшей женщиной Европы. В первый раз он был ей представлен во время своей второй поездки в Париж по североитальянским делам в апреле 1632 года. Тогда он пробыл во французской столице всего шесть недель. Но этого было достаточно для возникновения взаимной симпатии. Его взгляды, внешний вид и манеры привлекли королеву. "Вам понравился Мазарини, - язвительно заметил ей тогда Ришелье, - он похож на Бекингема"¹⁸. Но тогда Джулио отвлекали дипломатические перипетии и новые необходимые ему знакомства. В 1634 - 1636 гг. он старался чаще бывать на приемах и празднествах у королевской четы, лично беседовать с Анной Австрийской. Разумеется, на первом месте находились политические мотивы, и даже мысли о взаимном влечении никто из них допустить не мог.

Все произошло гораздо позже, но уже в 1636 г. Мазарини решает связать свою судьбу с Францией. Он вернулся в Рим с инструкциями Ришелье, которые делали его фактически личным агентом Людовика XIII при папской курии. С противоречивыми чувствами он встретил новости о сближении королевской четы во Франции и беременности Анны Австрийской. Узнав же о неизлечимой болезни отца Жозефа (он умер в 1638 г.), Мазарини почувствовал, что Ришелье захочет возместить эту потерю и что надо срочно ехать в Париж. В 1638 г. Мазарини участвует в обряде крещения будущего Людовика XIV, а в ноябре 1639 г. навсегда прибывает во Францию¹⁹.

В годы, предшествовавшие его министерству, Мазарини много работал, стараясь выставить себя в лучшем свете в глазах французского высшего общества. В 1639 -

1642 г. он постепенно, стараясь следовать знаменитому принципу римского императора Августа "Поспешай медленно!", перевоплощался из папского дипломата в наследника Ришелье. Он тщательно выискивал себе патронов, друзей и сторонников, ездил в Италию, откуда привозил произведения искусства, ставшие основой его будущей богатой коллекции. Он старался следовать моде и быть в моде, регулярно посещал театр и слушал музыку. Но поначалу Джулио приходилось нелегко, ведь несмотря на благоволение к нему Ришелье и королевской четы, все доходные места в королевстве были пока заняты. Вот как описывал положение новоприбывшего капитан-лейтенант первой роты Мушкетеров Короля д'Артаньян в своих "Мемуарах": "При своем прибытии ко двору Мазарини явился туда столь жалким, что ему требовалась чья-нибудь поддержка. Не имея ничего, кроме весьма скудного пенсiona, далеко не достаточного даже для скромного существования, он был слишком счастлив, когда месье де Шавиньи (секретарь Ришелье), кто узнал его, воспользовавшись им в делах Италии, дал ему комнату у себя и место за столом своих служащих"²⁰. Возможно, здесь крылась одна из причин непомерной тяги Мазарини к обогащению. Наконец, во время осады Перпиньяна в начале 1641 г. Мазарини получил обещанную ему Людовиком XIII и Ришелье еще два года назад кардинальскую шапку.

стр. 98

Это была вожделенная плата за его услуги, оказанные Риму и Франции, и, пожалуй, один из парадоксов кончавшегося конфессионального века. Хотя Мазарини долгое время служил папской дипломатии и даже был посвящен в сан, священником по своей сути он не стал и всю жизнь ненавидел сутану. В римской курии об этом знали, но в условиях Тридцатилетней войны Урбан VIII не мог противостоять все возраставшему влиянию Франции в Европе. Вскоре по совету Ришелье новоиспеченного кардинала ввели в Королевский совет.

В 1642 г. умирает Ришелье. Узнав о смерти кардинала-министра, папа римский воскликнул: "Если существует Бог, Ришелье за все заплатит! Если Бога нет, ему повезло"²¹. Тогда казалось, что повезло многим - повезло изгнанным аристократам-оппозиционерам, выступавшим против централизаторской политики Ришелье, повезло всем остальным недовольным, кто желал занять его место подле короля, повезло католическим державам, надеявшимся на изменение внешнеполитического курса Франции. Но это только казалось. Уже в день смерти Ришелье Людовик XIII вызвал к себе Мазарини и объявил, что назначает его главой Королевского совета. В провинции и парламенты французских городов было отправлено королевское уведомление о кончине Ришелье, в котором говорилось: "Я призвал к себе на службу кардинала Мазарини, в способностях и верности которого я имел возможность убедиться"²². Новоиспеченный министр очень гордился всем, чего он достиг. Но он прекрасно понимал, что его положение еще очень шатко, как и приобретенное им состояние. Пока он не мог ничего противопоставить, кроме питаемых к нему со стороны королевы чувств, стремлению самых высокопоставленных людей Франции - Гастона Орлеанского и принца Генриха Конде - захватить власть. А те, в свою очередь, имели союзника в лице Парижского парламента.

Смерть Людовика XIII в мае 1643 г. взбудоражила французскую столицу. "Король

умер, да здравствует король!" Новому французскому монарху Людовику XIV тогда еще не было и пяти лет. Согласно завещанию покойного короля при регентше Анне Австрийской создавался Совет, в который должны были войти Гастон Орлеанский, принц Конде, кардинал Мазарини, канцлер Сегье, господа де Нуайе и де Шавиньи. Без ведома и одобрения Совета королева не вправе была принимать какие-либо решения. Гастон Орлеанский и принц Конде желали, однако, сами, без мнения Совета с хитрым и несносным Мазарини, влиять на королеву. Поэтому с согласия и одобрения этих двух высокородных лиц парламент отменил завещание Людовика XIII и провозгласил Анну Австрийскую регентшей с почти неограниченными правами. Но королева тут же назначила кардинала главой своего Совета и первым министром²³.

Наследство Ришелье оказалось очень тяжелым. Внутренняя ситуация во Франции характеризовалась назреванием предпосылок Фронды: к 1643 г. возможности дальше повышать талью были исчерпаны. Деревня была истощена затянувшейся Тридцатилетней войной, недоимки достигли огромных размеров. Стороннему наблюдателю казалось, что финансовая политика регентства выглядит крайне неуверенной. Новые налоги вводились, а после протестов парламента отменялись. Правительство Мазарини пыталось повысить сборы с ввоза в столицу продовольствия, обложить налогами домовладельцев, которые в ответ повышали квартплату, вообще всех зажиточных, а также купцов и ремесленников. Повсюду оно сталкивалось с протестами и волнениями, и все новые группы населения начинали видеть в парламентариях защитников своих интересов. В Парижском парламенте звучали речи о том, что всем бедам придет конец, если обложить налогами ненавистных всем финансистов Мазарини, которые удачно воспользовались военным временем, чтобы набить себе карманы. Конечно, они делились с первым министром, и он знал, что это в большинстве своем нечестные деньги. Но Мазарини, без меры любивший золото, предпочитал этого не замечать. Надо признать, в первые годы своего правления он не очень ловко умел управ-

стр. 99

ляться с экономикой и финансами вверенного ему государства. Но, пожалуй, в военное время с этими проблемами справиться без издержек не смог бы никто, даже финансовый гений. Мазарини предстояло сильно поплатиться за это и выдержать бурю, которую даже в мыслях не мог себе представить покойный Ришелье.

С началом регентства в столицу вернулись все изгнанные при Ришелье аристократы-оппозиционеры, надеясь получить награды и восстановить привилегии. А Мазарини поначалу не выставлял напоказ и тщательно скрывал свое стремление к власти и богатству. Неудивительно поэтому, что оба принца - Гастон Орлеанский и Кон де - сначала ничего не имели против нового первого министра и даже оказывали ему покровительство. Итальянец ловко пользовался промахами своих врагов и умел обходить притязания тех, кто домогался его милостей. Не достигнув желаемого, многие аристократы, возглавляемые герцогом де Бофором, перешли в оппозицию к первому министру, в результате чего Мазарини пришлось подавить мятеж, вошедший в историю под названием "Заговор Важных"²⁴.

Однако в 40-х годах XVII в. все свое внимание и таланты Мазарини перенес на внешнюю политику, где проявил себя во всем блеске и достиг наилучших в тех условиях результатов. Естественно, рост оппозиции на всех уровнях мешал проведению активной дипломатии. Война становилась важным фактором развития государства, ибо способствовала укреплению его внешнего положения. И подобно многим другим политикам, например, Оливеру Кромвелю в Англии, авторитет кардинала за границей был неизмеримо выше, чем у себя в стране. В литературе существует расхожее мнение, что Ришелье был прежде всего отличным военачальником, а Мазарини - дипломатом. Не стоит противопоставлять кардиналов друг другу. И один, и другой подставляли себя под мушкетные пули и пушечные ядра. И если 18-летняя власть Ришелье ознаменовалась 12-ю годами войны, то из 18-летнего правления Мазарини на военные годы уйдет не менее 16 лет. Это при том, что по натуре последний был мирным человеком и на всем протяжении своей дипломатической деятельности являлся посланником мира.

Ближайшей задачей первого министра Франции стало заключение мира с Габсбургами на выгодных для Франции условиях. Во внешней политике он следовал Ришелье и частенько повторял мысль последнего о том, что "война в Германии не столько война религиозная, сколько война против чрезмерных амбиций Австрийского дома"²⁵. Несмотря на одерживаемые Францией на четвертом этапе Тридцатилетней войны (1635 - 1648 гг.) победы над врагом, к заключению мира Мазарини побуждали, в первую очередь, внутривнутриполитические обстоятельства, связанные с назревавшей Фрондой. Он уже давно заметил признаки приближавшегося европейского кризиса, начинавшие проявляться и во Франции, и делал все возможное, чтобы привлечь в свой лагерь наибольшее число союзников.

Мирные переговоры невозможно было начать из-за сопротивления испанской стороны. Мазарини решил ускорить развязку, нарушив прелиминарное соглашение с императором Фердинандом, заключенное еще при Ришелье, и выступив с армией по направлению к северо-восточной границе. В 1643 г. французы овладели Эльзасом, действуя согласованно с силами республики Соединенных Провинций, и одержали ряд побед над испанцами в Южных Нидерландах. Но самой радостной и несколько неожиданной даже для Мазарини была победа над испанской армией при Рокруа 19 мая того же года. После этой битвы "золотой век" Испании фактически закончился. Франция могла уже предъявлять серьезные претензии на господство в Европе.

После этого ничто уже не препятствовало открытию мирных переговоров в вестфальских городах Мюнстере и Оснабрюке осенью 1644 года. Мирный процесс ненадолго застопорился из-за неожиданно вспыхнувшей датско-шведской войны (1643 - 1645 гг.). Быстро сориентировавшийся Мазарини стал посредником на переговорах между обеими странами и привел их к урегулированию конфликта. Разумеется, немалую роль здесь сыграли и успе-

---

хи шведского оружия. В марте 1644 г. первый министр Франции посетил Мюнстер в целях более четкого выяснения ситуации в Германии. Этот кардинал-политик доверял прежде всего самому себе. Он предпочитал лично не вступать в жаркие

споры и бурные дебаты начавшегося мирного конгресса, а ловко и умело действовал через своих тщательно подобранных и проинструктированных доверенных лиц в Мюнсте-ре - д'Аво, Сервьена и герцога де Лонгви-ля. Эти люди добросовестно заслужили себе славу опытных политиков, но все, конечно, знали, кто реально стоял за их спиной и каждодневно руководил ими.

На конгрессе с первых же дней работы вспыхнули острые разногласия между имперским послом Траутманнсдорфом и испанским представителем Пеньярадой по кардинальным вопросам урегулирования конфликта. Мазарини дал понять имперскому послу, что Франции нужен мир с Венной, и что она будет способствовать как можно лучшему решению имперских дел в переговорах со Швецией. Поэтому вопреки наскокам Пеньярады, интригам при венском дворе, недовольству других членов имперской делегации, обвинявших его едва ли не в измене делу веры и Империи, Траутманнсдорф упорно шел к достижению мира с Парижем. Этому способствовала также дипломатия Мазарини по отношению к протестантским и католическим князьям Империи, направленная на сохранение их территориальных свобод и расширение их политических прав. В сущности, переговоры в Мюнстере и Оснабрюке велись на основе представлений естественного и международного права, занимавших тогда уже прочное место в политическом мышлении Западной Европы, конфессиональные моменты уходили на второй план, уступая место государственному интересу. Несмотря на то, что в 1647 г. на континенте создалась нервная ситуация из-за заключения сепаратного мира за спиной Франции между Испанией и Голландией, Мазарини упорно вел дело к завершению переговоров. 24 октября 1648 г. Европа, наконец, узнала о заключении долгожданного мира. Согласно его статьям французское королевство получало Эльзас и Лотарингию с городами Мец, Туль и Верден и, что самое главное, становилось наряду со Швецией гарантом европейского равновесия²⁶. Такое положение фактически приводило к гегемонии Франции в Европе, цели, которую поставил Ришелье и достиг его преемник.

Следует заметить, что внешняя политика Мазарини питалась исключительно соображениями выгоды и была лишена всяческих предрассудков. Политические потрясения в Англии середины XVII в. пытались понять не только англичане и деятели культуры того времени. Английскими делами интересовались и по ту сторону проливов, но мало кто осознавал, что там на самом деле происходит. И одним из очень незначительного количества людей, которым было дано понять сущность происходившего в Англии, был кардинал Мазарини. Он сразу понял, чем пахнет английская "смута", и поэтому проводил с самого ее начала политику компромисса, пытаясь играть

роль умиротворителя конфликта между Карлом I Стюартом и парламентской оппозицией. С одной стороны, английский конфликт не мог не повлиять на начинавшиеся волнения во Франции, не мог не вдохновлять оппозицию первому министру. В письмах кардинала той поры часто звучали опасения в связи с тем, что "французский парламент может скопировать английский". С другой - заключенный компромисс давал возможность Англии либо участвовать в военных действиях на

континенте, либо просто повлиять на ход вестфальских переговоров. Поэтому дипломатия Мазарини по отношению к Английской революции середины XVII в. заключалась в том, чтобы примирить две враждующие стороны - короля и парламент - и втянуть Англию в европейскую войну. "Франция заинтересована в сохранении королевской власти в Англии, но для удержания на троне Карла I предпочитает договор с парламентом", - отмечал в одной из своих многочисленных инструкций французским агентам в Англии кардинал²⁷. Впоследствии, несмотря на победу Английской революции, Мазарини не гнушался сотрудничать с ее лидером - Оливером Кромвелем, которого он уважал как политика. Союз с Кромвелем был необходим Мазарини с целью найти союзника в войне с Испанией, которая продолжалась и после заключения Вестфальского мира вплоть до 1659 года. Кардинал даже согласился отдать англичанам важный в стратегическом отношении порт Дюнкерк, когда те освободят его от испанцев.

Примерно за год до окончания Тридцатилетней войны позиции Мазарини в самой Франции резко пошатнулись. Слухи об этом просочились даже за границу. В ноябре 1647 г. дипломаты первого министра в Мюнстере передавали друг другу слухи о "большом заговоре"²⁸. Кардиналу, спешившему с окончанием мирного конгресса, было ясно, что противники Франции теперь находятся внутри ее самой.

Зимой 1647/48 гг. в связи со значительным ухудшением военно-политической ситуации потребовалось вновь увеличить расходы на войну. Это происходило в обстановке, когда Парижский парламент и другие верховные суды блокировали финансовую политику правительства, а финансисты теряли доверие к казне и самому Мазарини. Они все неохотнее предоставляли займы, все выше поднимали ссудный процент. В поисках выхода из положения весной 1648 г. правительство Мазарини решилось ущемить материальные интересы самого дворянства мантии, отменив полетту - сбор, гарантировавший наследственность должностей. В ответ высшие судебные палаты Парижа - парламент, Счетная палата, Палата косвенных сборов и Большой совет, вопреки запрещению двора объединились и 16 июня того же года начали проводить совместные заседания с целью осуществить государственную реформу. Так началась Фронда.

Поначалу политика не на шутку испугавшегося кардинала была весьма осторожной, ибо он не желал начинать гражданскую войну, которая могла бы сорвать приближавшееся заключение Вестфальского мира. Но все же ряд запретов был осуществлен, и Парижский парламент объявил Мазарини врагом государства. Обстановка в столице накалялась. Все более смело простонародье, требовавшее "пожалеть бедный угнетенный народ". На улицах частенько можно было услышать, как возчики ругали прозвищем "мазарини" запрягившуюся лошадь.

Поддерживаемый во всем своей королевой и возлюбленной Анной Австрийской, первый министр открыто решил перейти в наступление. 26 августа 1648 г. должен был состояться торжественный молебен в соборе Нотр-Дам в честь недавно одержанной французами победы над испанцами при Лансе. Накануне этого дня Мазарини отдал приказ об аресте президентов парламента Бланмениля и Шартона и советника Большой палаты 73-летнего Брусселя. Удар был достаточно дерзок, поскольку это означало нанести оскорбление не только населению Парижа, считавшего Брусселя своим покровителем, но и покушение на свободы Парламента. Париж восстал, и в течение короткого времени на улицах города выросло более 1200 баррикад. Парламент послал депутацию во дворец Пале-Рояль требовать

Аудиенция у королевы была очень краткой. Она даже не дослушала речь о положении в Париже, прервав выступавшего на полуслове: "Я знаю, что в городе шум, и вы мне за это ответите. Вы, господа члены парламента, ваши жены и ваши дети". По поводу Брюсселя регентша лишь заметила: "Я скорее задушу его, чем выпущу"²⁹. Удаляясь, Анна Австрийская хлопнула дверью - такое неповиновение она видела впервые.

Зато ее министр все понимал и поспешил несколько сгладить резкость королевы. Они, следуя одним курсом, прекрасно дополняли друг друга. Кардинал предложил освободить Брюсселя и его коллег в обмен на обязательство парламента прекратить его заседания. Дипломатия Мазарини, отъезд королевской семьи из Парижа и блокада столицы, а также несогласованные действия и желания восставших фрондеров привели к тому, что 1 апреля 1649 г. был заключен мир, восстановивший довоенную ситуацию. Но очень многие, в том числе и сам кардинал, не были им удовлетворены.

Французская аристократия ненавидела первого министра не только за его итальянское и почти "беспородное" происхождение, не только за его полное равнодушие к ней и отказ даровать награды и привилегии, но и за "узурпированное" право принцев крови находиться рядом и давать советы регентше и королю. Принцы Конде и Конти, их сестра герцогиня де Лонгвиль, герцог Орлеанский, коадьютор Парижский (т. е. заместитель Парижского архиепископа) Поль де Гонди, будущий кардинал де Рец - вот далеко не полный список основных противников Мазарини, которые, впрочем, проявляя беспринципность, несколько раз за время Фронды примыкали и к его партии³⁰. "Фронда принцев" началась 18 января 1650 г. после того, как были заключены в тюрьму Конде, Конти и герцог Лонгвиль. Фактически с этого дня началась настоящая битва титанов - и военная, и дипломатическая - титанов по имени Мазарини и Конде. Каждый из них олицетворял свой путь развития французского королевства.

Война со сторонниками Конде оказалась обременительной и тяжелой для первого министра и всей страны. Принц заключил союзы с Испанией и Кромвелем. Испанские войска почти беспрепятственно вторгались из Южных Нидерландов вглубь Франции. Однако именно в кардинале в первую очередь видели главного виновника гражданской войны. В ночь на 7 февраля 1651 г. первый министр был вынужден бежать из Парижа. Людовик XIV и Анна Австрийская собирались последовать его примеру, но городская милиция помешала им это осуществить. Королева пережила страшную ночь, она даже была вынуждена показать ворвавшейся в Пале-Рояль толпе притворившегося спящим юного короля.

Лагерь фрондеров не был единым. После победы столкнулись политические амбиции аристократии, т. е. дворян шпаги, и чиновников - дворян мантии. В столице царил хаос из-за неумелого правления Конде и его клики. Воспользовавшись этим, Мазарини вернулся во Францию, но сил у фрондеров было еще достаточно для

борьбы. 12 августа 1652 г. кардиналу вторично пришлось покинуть страну. Но и в изгнании - в живописном замке Брюль в Рейнской Германии - первый министр по-прежнему держал в руках все нити управления государством. В его отсутствие королева умело использовала раздоры среди противников. "Мне крупно повезет, если среди всех этих интриг, докладов, предательств я не сойду с ума... Я теряюсь среди бесконечного числа лиц, ведущих переговоры", - писал Мазарини королеве из-за границы ³¹. В письме прорывались ноты усталости, но отказаться от борьбы кардинал не мог. Вне политики, вне наслаждения властью и вне наслаждения борьбой за власть его ждала пустота довольно сытного доживания отпущенного ему срока.

Первый министр контролировал ситуацию и вновь обретал силу и власть. В Париже королева и его агенты неустанно вели переговоры с постоянно соперничавшими и спорившими между собой фрондерами. Мазарини не лишился даже своего крупного состояния. Его по крупицам собрал, сохранил и приумножил молодой управляющий Жан-Батист Кольбер - будущий

стр. 103

"финансовый" гений Франции. Политическая ситуация развивалась в пользу кардинала. Людовику XIV исполнилось 13 лет, он стал по закону совершеннолетним и мог отменить все постановления эпохи регентства. А принц Конде, великий полководец, но неважный политик, в глазах народа стал выглядеть благодаря постоянным связям с испанцами изменником.

3 февраля 1653 г. Мазарини вернулся в Париж как неоспоримый хозяин положения. В столицу он въехал на белом коне - также, как въезжал кардинал Ришелье в покоренную им Ларошель. Поскольку Людовик XIV выехал навстречу своему крестному отцу, народ встретил кардинала по-новому, демонстрируя глубокую преданность. У ворот Сен-Дени собралась огромная толпа, скандируя: "Да здравствует король!" Она почти была готова закричать: "Да здравствует Его Пресвященство!" ³².

Все-таки Франция не смогла обойтись в тяжелое время без своего самого пронизательного политика, хотя и не любила его. Ришелье подготовил почву, на которой выросла неприязнь к Мазарини. Трудности кардинала заключались в том, что он был вынужден управлять Францией в эпоху экономического и политического кризиса, вызванного войной и перестройкой экономических и политических отношений в государстве, связанных с развитием раннего капитализма и монополизацией государственной власти. Мазарини понимал суть событий у себя в стране и за границей, мог окинуть взглядом всю Западную Европу и сравнить ее с Францией. Потому-то он и выиграл в конечном итоге, несмотря на свое итальянское происхождение.

Позднее современник событий Фронды великий французский физик и мыслитель Блез Паскаль в своих "Мыслях" отметит "несправедливость Фронды, которая выставляет свою мнимую справедливость против силы" ³³. Революционные перевороты в обществе бессмысленны, и мир - самое большое из благ. Так ли уж

бессмысленна была Фронда? Мазарини так не считал, в отличие от мыслителей своего времени. Он знал, каких результатов достиг, что ему нужно, и что он будет делать дальше. Он был лишь в одном согласен с Паскалем - стране нужен мир.

Мазарини, как и его великий предшественник Ришелье, являлся политическим консерватором. Он прежде всего апеллировал к традиции и исходил в своей деятельности из неписаной конституции Франции. Но одновременно он являлся еще и новатором. Новатором в пределах всеобщего консерватизма, за рамки которого в первой половине XVII в. вышли лишь Англия и еще ранее Голландия. Первый министр Франции терпеливо достраивал крышу того государственного здания, которое еще на протяжении почти полутора столетий будут называть Старым порядком.

По окончании Фронды политические волнения во Франции стали понемногу затихать: ряды противников кардинала в 50-х гг. значительно поредели. Многие из них скончались, а принц Конде и кардинал де Рец бежали за границу, один поступил на службу к испанцам и воевал против своей страны, другой пытался сделать карьеру в Риме. Впоследствии оба были прощены Людовиком XIV. А Мазарини, вернувшись в Париж, прежде всего, занялся своей администрацией. При нем важнейшие государственные дела обсуждались и проводились через Большой Королевский совет. Люди, которые регулярно здесь заседали, назывались государственными министрами и являлись ближайшими советниками короля. Людовик присутствовал на сессиях своего совета, но во время его малолетства и даже много позднее именно Мазарини вел заседания. Реорганизованный им Совет депеш постоянно наблюдал за администрацией королевства. В финансовом Совете король, канцлер и государственные секретари обычно встречались с финансовыми экспертами короны, регулирующими доходы и расходы. Все они были тщательно подобраны кардиналом.

Аристократические и парламентские круги понимали, что контролировать Королевский совет - значит управлять всей государственной машиной. В Парижском парламенте время от времени вспыхивали дебаты, а высшая знать свой главный козырь видела в борьбе за созыв Генеральных Штатов.

стр. 104

Через это сословно-представительное учреждение она пыталась приостановить централизаторскую политику первого министра. Эти попытки закончились бесславно. Мазарини пришлось подавить несколько разрозненных дворянских восстаний, а конфликты в парламенте он своим дипломатическим искусством "утопил" в долгих и запутанных переговорах.

Стабилизировалась и экономическая ситуация в королевстве. Понесшие убытки во время Фронды, испытавшие страх перед возможным судебным преследованием финансисты после возвращения кардинала вновь осознали себя хозяевами положения. Такова уж была особенность развития французского капитализма под прикрытием абсолютной монархии, когда главную роль в этом процессе играли чиновничество и представители финансового мира. Никогда еще они так не

ощущали свою значительность, никогда так не афишировали свое богатство. Одновременно с их богатством росло и благосостояние королевства, пополнялась государственная казна.

Кардинал назначил сразу двух сюринтендантов финансов: Фуке и Сервьена. Если для уже престарелого Сервьена это была почетная должность, то энергичный Никола Фуке нес всю ответственность за доходы государства и пользовался большим доверием у банкиров Франции и Европы. Под свои личные обязательства он получал огромные суммы. Основной стержень политики Фуке - это кредит, кредит без меры и совести. Ведь война с Испанией продолжалась, кредит был необходим. В сущности, Фуке был талантливым взяточником, грабившим всех, кого только мог. Мазарини знал это, но пока терпел: при этом финансисте казна постоянно пополнялась. Фуке фактически был подотчетен первому министру, который с помощью сюринтенданта нажил огромное состояние и ко времени своей кончины располагал фантастической суммой в 50 млн. ливров.

Еще одним выдвиженцем кардинала являлся Кольбер. Мазарини видел в Кольбере умного и способного человека, могущего послужить и ему и на благо Франции. Кольбер был прямой противоположностью Фуке. Оба они, как и Мазарини, умели и любили работать, но Кольбер делал это благодаря феноменальной работоспособности, умения усваивать массу информации, педантичности, а Фуке больше полагался на интуицию и позволял себе время от времени расслабиться. Кольбер все делал сам, в то время как про Фуке говорили, что за него многое делали заместители. Буржуа Кольбер казался грубоватым тугодумом, а дворянин в третьем поколении Фуке был блестящим и галантным, обладал безукоризненными светскими манерами. Кольбер видел залог успеха в служении патрону, в умении завоевать его абсолютное доверие и право распоряжаться от его имени. Фуке же переоценивал свои возможности, что его впоследствии и погубило.

Как политик, Кольбер показал себя более сильным и ловким, чем Фуке, он изо дня в день подбирал компрометирующие Фуке материалы, ждал своего звездного часа, чтобы нанести удар по противнику. Одновременно Кольбер готовит программу, которую будет осуществлять, придя к власти. Она представляла собой создание новой финансовой системы, сокращение раздутого судейского аппарата, корректировку социальной структуры французского общества. По его мнению, в королевстве должен вырасти удельный вес полезных профессий - торговцев, мануфактуристов, людей, занятых в сельском хозяйстве и в военном деле. В результате можно будет содержать большую армию, обновить крепости, построить мощный флот, восстановить торговлю и промышленность. Первый министр все это ценил, и не только доверил Кольберу исполнение своего завещания, в котором все состояние переходило в руки Людовика XIV, но и рекомендовал его королю. После смерти Мазарини управление всей Францией, кроме армии, находилось в руках Кольбера³⁴.

И после Фронды основное внимание первого министра Франции уделялось внешней политике. Его умелая дипломатия была очень эффективной, хотя в деталях и не всеми понятной: Мазарини пошел на крайне непопулярные для него меры, пойдя на союз с Кромвелем, В это время появилось

немало памфлетов, авторы которых требовали заключить Мазарини в тюрьму за разрешение английским солдатам ступить по земле Фландрии (современная Бельгия) недалеко от франко-фландрской границы. Советники кардинала заговорили даже об опасности новой Фронды. Мазарини сильно рисковал, но понимал, что только союз с сильной в военном отношении Англией может заставить Испанию пойти на мир с Францией на более выгодных для последней условиях³⁵.

Одновременно много внимания Мазарини уделял дипломатии в германских землях. Император Фердинанд III желал помочь Мадриду и угрожал послать свои войска в Нидерланды и Италию. Большинство же немецких князей, как протестантских, так и католических, не желало развязывания новой войны. Их желание совпадало с политикой Мазарини, и в августе 1658 г. ряд князей создали Рейнский союз - совместную оборонительную организацию для защиты Вестфальских соглашений 1648 года. Франция присоединилась к Союзу, стала его казначеем и главным поставщиком солдат в его армию. Во время создания Рейнского союза в апреле 1657 г. умер Фердинанд III. Его наследнику эрцгерцогу Леопольду было всего семнадцать лет. Мазарини попытался воспользоваться ситуацией, и в короткий период лета 1657 г. носился с идеей выдвинуть Людовика XIV в качестве кандидата на имперский трон. Если этот план сработает, как надеялся честолюбивый кардинал, он сам вскоре сможет надеть папскую тиару, что станет блестящим завершением его карьеры. Как видно, и великий политик может быть иногда мечтателем. Император-немец был ближе территориальным князьям, и именно Леопольд I был избран в июле 1658 г. императором Священной Римской империи³⁶. Но срыв амбициозных планов Мазарини не был промахом его дипломатии - это была всего лишь попытка. Союз же с Англией, создание Рейнского союза и особенно Пиренейский мир с Испанией 1659 г., принесший Франции южные земли Руссильон и Перпиньян, создали систему безопасности французских границ и утвердили политическую гегемонию Франции в Европе.

Мазарини любил жизнь и прежде всего свою семью. Точнее, их у него было две - семья итальянская и семья французская, которые благодаря ему образовали как бы одну семью. Итальянская семья была очень большой, как это всегда заведено у итальянцев. У Пьетро Мазарини и Гортензии Буффалини было кроме Джулио еще пять детей. Все они благодаря брату прожили свой век безбедно, и практически у всех жизнь сложилась вполне благополучно. Одна из его сестер и младший брат сделали церковную карьеру, а три другие сестры вышли замуж с неплохим приданым за богатых и знатных представителей итальянских фамилий. Семьи Мартиноцци и Манчини дали богатое потомство, а первый министр Франции, у которого не было собственных детей, обожал своих многочисленных племянниц и племянников. Большинство из них делали карьеру и выходили замуж во Франции. Кардинала критиковали французы, видевшие в проявлении нежных отцовских чувств и заботе о племянниках еще одну "итальянскую" черту своего первого министра.

Как и любого из политиков, долго находившегося у руля власти, Мазарини временами "заносило". Власть кружит голову и заставляет порой лелеять

несбыточные планы и надежды. Своих племянниц он пытался сосватать даже в Англию: то за сына Кромвеля Ричарда, то за короля Карла II Стюарта. Но эти иллюзии очень быстро улетучились, оставив место рациональному политическому мышлению.

Сам кардинал и его родные отличались правильностью черт, были красивыми людьми. Но красивейшей из всех была его племянница Мария Манчини. Она была лишь на год моложе Людовика XIV. Неудивительно, что часто пребывая в ее обществе, молодой король влюбился. Черноокая Мария стала его первой юношеской любовью. Причем все было настолько серьезно, что Людовик попросил сначала разрешения у матери жениться на ней. Анна Австрийская в тревоге бросилась просить совета у первого министра. Она напомнила Джулио, как во времена баррикад и гражданской войны подвер-

стр. 106

гала себя и корону опасности, чтобы его защитить, и потребовала от него в свою очередь отблагодарить ее. Он должен сделать все возможное, чтобы дать ей в невестки ее племянницу (испанскую инфанту Марию-Терезию), которая принесет в качестве приданого мир. Мазарини это понимал и поэтому выступил против этого брака. Конечно, чисто по политическим причинам. Мазарини довольно долго убеждал своего августейшего воспитанника, что его племянница неподходящая жена по рождению и темпераменту для короля Франции. "Я Вас умоляю об этом ради Вашей славы, чести, служения Богу и ради благополучия Вашего королевства", - заклинал он короля. Людовик покорился. Позже Мазарини удовлетворенно отмечал, что ему больше доставляет удовольствия сама власть, а не происхождение или родство с королевским домом³⁷.

Кардинал был бы очень доволен, если бы смог спустя полстолетия после своей смерти спуститься на грешную землю и порадоваться успехам на политическом и военном поприще одного из своих внучатых племянников. Олимпия Манчини была выдана им замуж за виконта Евгения Мориса де Суассона. Евгений Морис был сыном Томаса Франциска, князя Кариньякского, ставшего родоначальником Савойско-Кариньякского дома, и Марии де Бурбон-Суассон. Олимпия родила в 1663 г. лишь одного сына Евгения, который стал носить титул принца Савойского и необычайно прославился как талантливый полководец времен войны за испанское наследство (1701 - 1714 гг.)³⁸.

Кардинал нежно любил свою "французскую" семью, состоявшую из двух человек - Анны Австрийской и Людовика XIV. Анна и король отождествляли в своем лице французское королевство, и поэтому неудивительно с чисто психологической точки зрения, что Мазарини привязался к Франции всей душой и ревностно защищал ее интересы.

Анна Австрийская была его преданной возлюбленной, фактической женой, другом и советником в одном лице. Их спальни и кабинеты находились рядом: всегда существовала возможность поговорить, посоветоваться, поделиться своими трудностями. Оба они любили поговорить о странах, где родились - об Испании и об

Италии. Любовь Мазарини и королевы оказалась долгой и прочной, выжила и укрепились, несмотря на гонения, попытки разлучить и высмеивания даже со стороны близких друзей. Лучшая подруга Анны госпожа де Шеврез, когда-то одобрявшая ее связь с герцогом Бекингом, отрицательно относилась к этому роману³⁹. Королева настолько доверяла и ценила Мазарини, что старалась занимать второе после него место возле короля. Она желала, чтобы Людовик больше времени проводил с кардиналом, слушал его советы и оказался способным управлять страной. Мазарини очень ценил такое отношение. Свою благодарность королеве он выразил даже в завещании, где оставил ей прекраснейший из всех своих алмазов, оправленный в диадему под названием "Роза Англии". Другим его подарком были работы итальянских художников, украшавшие кабинет министра.

Незадолго до своей смерти Людовик XIII назначил Мазарини опекуном будущего короля. Кардинал выполнил эту обязанность весьма добросовестно. Конечно, немалую роль здесь играло честолюбие первого министра, но он по-настоящему любил Людовика, видел все его достоинства и недостатки и старался воспитать его прежде всего как государственного деятеля, что требовалось временем. Мазарини был тонким психологом - это позволило ему оставаться первым министром до самой смерти, и именно это дало ему возможность понять Людовика. Он предпочитал, чтобы его питомец приобщался в первую очередь к делам, а не отдавался бы полностью схоластическому образованию. Жизнь учит лучше - таков был принцип его воспитания. Мазарини учил короля общаться с подданными, как вести себя на заседаниях Королевского совета, ездить на войну и оценивать политическую ситуацию. Остальное король может восполнить потом. Такое воспитание заложило в Людовике основы его будущего как монарха. Несмотря на все издержки своего правления, французский король был человеком долга. Во второй половине своего правления Людовик XIV стал для французов и всей Европы

стр. 107

олицетворением "короля-тирана" и способствовал широкому распространению тираноборческих идей, приведших к Французской революции⁴⁰.

Сам воспитанник относился к своему опекуну очень положительно, можно сказать, он любил его. На одном из первых заседаний Королевского совета Людовик заметил, что Мазарини взял полноту власти в свои руки отчасти потому, что он этого больше всего хотел, а отчасти потому, что он, король, считал Мазарини незаменимым на посту первого министра. "Мазарини умел работать", - записал в своих "Мемуарах" король после смерти опекуна⁴¹. Людовик старался быть всегда рядом с Мазарини, восхищался его умением управлять государственными делами, его дипломатическими победами. Ведь его первый министр спас монархию во время Фронды и заложил основы для ее будущего процветания. Для короля кардинал всегда оставался примером государственного деятеля, он заметно повлиял на его идеалы и вкусы. Спустя годы после смерти Мазарини одна из самых блистательных и умных дам королевства мадам де Лафайет заметила, что "король пытается следовать в своей политике идеям, которые он (Мазарини) ему внушил"⁴². В сущности, Людовик XIV, наиболее жесткий, наиболее профессиональный и наиболее

блистательный из всех европейских монархов, был созданием Мазарини.

Первый министр Франции не был ни жестоким, ни жестким. На всем протяжении его правления, несмотря на тяжелые годы Фронды, практически не применялись тиранические методы. Парадоксально, что одним из создателей французского абсолютизма являлся либерал по натуре. Конечно, в условиях своего времени. Он не отправлял на плаху политических противников, терпимо относился к оскорбительным в его адрес и адрес его приверженцев политическим листовкам и брошюрам, терпеливо выслушивал противоположные ему мнения.

В Мазарини вполне гармонично уживались светскость и религиозность - тоже приметы его эпохи. Он был религиозным рационалистом и предпочитал не пользоваться именем Бога в политике. Если же он это делал, то поступал честно. Кардинал был истинно верующим и понимал, что католицизм был душой французской монархии. Католическая идея способствовала централизации французской нации. Мазарини жил в эпоху, когда католическая церковь переживала реформирование, старалась идти в ногу со временем. В XVII в. повысился моральный авторитет римских пап. Его постарались перехватить государи, стремившиеся к централизации, единству своего государства - неудивительно поэтому, что кардиналы пошли во власть. Первым таким деятелем во Франции был Ришелье, вторым - Мазарини.

XVII век был столетием, когда захват и раздел территорий разрушали концепцию Европы как синонима единого христианского дома. Первый министр Франции сожалел об этом, но, будучи рационалистом, воспринимал это как данность. В своей внешней политике, политике миротворца, он часто воспринимал себя, или хотел воспринимать, в качестве мессии, возрождающего единство христианского мира. Разумеется, его государство - Франция - будет центром новой Европы, гарантом мира и спокойствия.

Мазарини, конечно, не был интеллектуалом или мыслителем - он был политиком и находился в этом отношении ближе к грешной земле. К тому же он очень любил деньги. Но вместе с тем кардинал с удовольствием отдавал дань светской жизни, был очень эрудированным человеком. Он коллекционировал книги, старинные манускрипты, полотна художников, любил музыку и театр. Он казался джентльменом с головы до ног - был красив, хотя и немного полноват в последние годы жизни, прекрасно одевался, отличался хорошим вкусом. Надо сказать, свою кардинальскую мантию первый министр не любил.

Конечно, этот ставший великим человек хотел увековечить себя. Может быть, у него не было уверенности, что он уже это сделал всей своей деятельностью. Но, скорее всего, он просто любил жизнь, уважал интеллектуалов и деятелей искусства. Крупный знаток библиотечного дела современности и

библиофилами XVII в. были три великих министра Франции. Это Ришелье, Мазарини, Кольбер". Даже в самый разгар политических бурь Мазарини не забывал о своей коллекции книг. В 1652 г. во время Фронды он писал известному библиотекарю того времени Габриэлю Ноде: "В эти ужасные дни позаботьтесь, насколько это возможно, о сохранении библиотеки. От этого будет зависеть и Ваше, и наше состояние"⁴³.

Ненасытная жажда богатства не вылилась у Мазарини в гобсековские формы. Почти все, чем он владел, досталось Франции в том или ином виде. В инвентарном списке, составленном после смерти кардинала, числилось 200 статуй и античных произведений из мрамора, 450 картин знаменитых мастеров, огромное количество драгоценных камней, среди которых были самые красивые бриллианты в Европе. И кроме этого 30 тыс. книг. Последние стали основой библиотеки, и ныне носящей имя Мазарини. Помимо этого, кардинал основал колледж Четырех Наций, где под руководством лучших профессоров Сорбонны обучались 60 сыновей дворян из аннексированных Францией земель⁴⁴. И таким образом достигалось единство государства.

Ранним утром 6 февраля 1661 г. галерею королевского павильона в Лувре, где художники расписывали стены, внезапно охватило пламя. Огонь быстро распространился через открытые двери в апартаменты первого министра. Ситуация скоро была взята под контроль: пламя удалось сбить, Анна Австрийская и Людовик XIV переехали в Сен-Жермен, покинув Лувр на время ремонта. Этот инцидент укрепил веру в их сознании, что они находятся под божественной защитой. Но для Мазарини это событие послужило поворотным пунктом в борьбе против собственной болезни - затянувшегося плеврита. Кардинал изрядно наглотался дыма, что обострило ее течение. Его перевезли из Лувра во дворец на улице Ришелье. Положение выглядело настолько серьезным, что у постели первого министра собрался весь цвет парижской медицины. Мазарини во время осмотра держался с достоинством, не показывал своих эмоций, а только требовал от докторов побыстрее вынести вердикт. Последний не оставлял никаких надежд: кардиналу оставалось жить от силы два месяца.

Смерть государственного человека всегда публична. Его последние слова становятся известными, они должны вызывать симпатии священников и друзей, которые являются исполнителями последней воли умирающего и интерпретаторами отрывистых фраз, слетающих с его пересохших губ. Последние слова должны выражать жизненный итог либо квинтэссенцию жизненной философии. Но чаще всего умирающему хочется говорить правду. Перед лицом смерти Джулио Мазарини был мужественным, стоическим и реалистичным. Посетивший его секретарь Ломени де Бриенн потом вспоминал: "Я ожидал увидеть сломленного болезнью человека, а он был тих и спокоен. Это восхитило меня". Кардиналу было трудно говорить, и окружавшим его казалось, что он специально подбирает слова, чтобы выразиться красиво и подобающим образом. Мазарини поблагодарил всех, кто помог ему в жизни, кого он любил и ценил. Он сожалел о том, что не все успел сделать. "Я великий преступник", - признался он своему исповеднику отцу Клоду Жоли в надежде получить прощение от Бога. Наверно, он желал этого прежде всего, поскольку не был уверен в собственной святости, а особенно в тех методах, которые использовал в руководстве государственными делами. В ночь с 8 на 9 марта 1661 г. первый министр Франции скончался. Последними его словами были: "Вся моя надежда на Иисуса Христа"⁴⁵. Смерть пришла к Мазарини в мартовские иды, как к

Юлию Цезарю, хотя и не была мгновенной.

Теперь началась жизнь после смерти. Возможно, не менее противоречивая, но очень долгая - вечная. И за порогом смерти его продолжали ненавидеть и любить, но почти все стали уважать. Это уважение возрастало с каждым годом - с высоты прошедших лет люди всегда лучше оценивают то, что было сделано раньше.

стр. 109

По французской столице прокатилась бурная волна эпитафий, эпиграмм, шансоньеток на смерть Мазарини.

Его Высокопреосвященство Второй умер.

Не дай нам Бог третьего!

"Он не мог сделать ничего лучшего, как умереть", - таков был тогда общий вывод большинства французов⁴⁶. Они горько ошибались - предстояли не лучшие времена.

Но существовало и другое мнение. Хотя много позже Людовик XIV в своих "Мемуарах" записал, что "мой авторитет значительно укрепился после смерти Мазарини", он сделал все, что мог, чтобы обставить наилучшим образом похороны своего учителя и крестного отца. Король заказал лучшим поэтам и музыкантам сочинить оратории и эпитафии на смерть первого министра. Впоследствии то, что содержалось в этих сочинениях, больше, чем остальное, послужило материалом для оценки деятельности Мазарини исследователями его жизни. Среди ораторов, выступавших у одра покойного кардинала, был кармелит отец Леон, специально прибывший на похороны из Рима, слова которого лучше всего отразили суть жизни и деятельности умершего: "Он был французом и итальянцем, солдатом и доктором права, государственным человеком и кардиналом, иностранцем и королевским слугой, жестким и терпеливым, незаменимым учителем и другом короля. Он был Фебом, который разогнал облака над грешной землей, он являлся арбитром великих народов и наций"⁴⁷.

Все, что оставил после себя Мазарини, принадлежало теперь Франции. Себе же он распорядился соорудить скромную по меркам того времени капеллу. Спустя двенадцать дней после смерти кардинала собралась специальная комиссия, чтобы выполнить его последнюю волю, выбрать архитектора и место для капеллы. Архитектором был назначен Луи де Во, которому в будущем предстояло прославиться на строительстве знаменитого Версаля. Однако решающую роль в создании памятника своему патрону сыграл Кольбер: мудрый финансист предложил построить капеллу вместе с колледжем Четырех Наций на левом берегу Сены, напротив Лувра. Этот памятник великому слуге Франции находится там и поныне.

Так кем же был Джулио Мазарини - авантюристом, шпионом, блестящим дипломатом или политическим гением? Он являлся и тем, и другим, и третьим, ибо в эпохи бурных перемен, каковым был XVII век, зачастую люди, подобные Мазарини,

могли обрести известность и власть. И еще - он был господином случая и олицетворением удачи. Этот человек не только вершил судьбы других людей, но и свою собственную. Но главное - он понял основную линию развития Франции и Европы того времени. Мазарини был одним из немногих, кто оценил величие Ришелье как государственного деятеля, его политику, направленную на укрепление центральной власти и возвышение Франции на международной арене. Он продолжал этот путь, но не прямолинейно повторял Ришелье, а проводил свою дипломатию, сообразуясь с новыми условиями. Он завершил дело, начатое предшественником, и окончательно утвердил абсолютизм во Франции, приведя его к расцвету. Он завершил в общих чертах создание той системы, которая будет существовать во Франции вплоть до Великой революции конца XVIII в. и будет называться Старым порядком. Его ученик - Людовик XIV - лишь доведет эту систему до своего апогея, переходящего в абсурд.

Во Франции после смерти Короля-Солнце не нашлось ни Ришелье, ни Мазарини, чтобы пережить кризис Старого порядка, переосмыслить реалии наступившей эпохи Просвещения и попытаться найти приемлемый выход, создав для этого новую государственную систему или трансформировав старую, чтобы избежать хаоса и кровопролития. Нерешительные попытки реформ провалились, и в результате в конце XVIII в. разразилась революция, изменившая не только Францию, но и весь мир.

стр. 110

Примечания

1. См.: *Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministere*. Т. I-IX P. 1877 - 1879.
2. BASIN A. *Histoire de France sous le ministere du cardinal Mazarin*. Т. I. P. 1842, p. 99.
3. ЛАРОШФУКО Ф. *Мемуары. Максимы*. Л. 1971, с. 26.
4. См., например: DETHAN G. *Mazarin: un homme de paix a Page baroque. 1602 - 1661*. P. 1981; LAURAIN-PORTEMER M. *Etudes Mazarines*. P. 1981; TREASURE P. *Mazarin. The Crisis of Absolutism in France*. L N.Y. 1995; DULONG C *Mazarin*. P. 1999; CROXTON D. *Peacemaking in Early Modern Europe. Cardinal Mazarin and the Congress of V/estfalia 1643 - 1648*. Princeton. 1999.
5. ГУБЕР П. *Мазарини*. М. 2000.
6. DETHAN G. *Op. cit.*, p. 7 - 12.
7. *Ibid.* p. 15; CABRINI A. -М. *Mazarin. Aventure et politique*. P. 1962, p. 9; LAURAIN-PORTEMER M. *Op. cit.*, p. 22.

8. DULONG C. Op. cit., p. 17 - 18.
9. ГУБЕР П. Ук. соч., с. 33.
10. DULONG C. Op. cit., p. 21.
11. Lettres, instructions, diplomatiques et papiers d'etat du cardinal de Richelieu. T. III. P. 1843, p. 181 - 182.
12. Ibid., p. 187; DULONG C. Op. cit., p. 25 - 27.
13. Memoires du cardinal de Richelieu. T. 10. P. 1929, p. 33.
14. Ibid., p. 35 - 38.
15. TREASURE F. Op. cit, p. 57.
16. ГУБЕР П. Ук. соч., с. 41.
17. Lettres du cardinal Mazarin. T. III, p. 17.
18. TREASURE P. Op. cit., p. 60 - 63, 77.
19. ЧЕРКАСОВ П. П. Кардинал Ришелье. М. 1991, с. 325 - 326.
20. Мемуары мессира д'Артаньяна. Т. I. М. 1995, с. 156.
21. DULONG C. Op. cit, p. 36.
22. Ibid., p. 37 - 38.
23. ЛАРОШФУКО Ф. Ук. соч., с. 22 - 27.
24. Там же, с. 32 - 34.
25. Lettres du cardinal Mazarin. T. IV, p. 72.
26. См.: Lettres du cardinal Mazarin. T. I, p. 393 - 394; Acta Pacis Westphalicae. Munster, 1975, 1986. Serie II. Band I, II, p. 24 - 41, 674 - 675. Serie IIIA. Band. I, p. 716 - 771, 794 - 795. Serie IIIC. Band IV, p. 26 - 27, 184 - 195.
27. Lettres du cardinal Mazarin. T. II, p. 345, 357.
28. BELY L. The Peace Treaties of Westphalia and the French Domestic Crisis. - Der Westfalische Friede. Munchen. 1998, S. 235 - 252; SONNINO P. Prelude to the Fronde.

The French Delegation at the Peace of Westphalia. - Ibid., S. 217 - 233.

29. КОЖОКИН Е. М. Государство и народ во Франции от Фронды до Великой Французской революции. М. 1986, с. 49.

30. См.: ЛАРОШФУКО Ф. Ук. соч., с. 57 - 145; Кардинал де РЕЦ. Мемуары. М. 1998, с. 409 - 527.

31. Lettres du cardinal Mazarin. T. IV, p. 57.

32. ГУБЕР П. Ук. соч., с. 72; БЛЮШ Ф. Людовик XIV. М. 1998, с. 58.

33. ТАРАСОВ Б. Н. Паскаль. М. 1979, с. 241.

34. МАЛОВ В. Н. Ж. -Б. Кольбер: абсолютистская бюрократия и французское общество. М. 1991, с. 31 - 49.

35. Lettres du cardinal Mazarin. T. V, p. 169.

36. LOSSKY A. Louis XIV and the French Monarchy. Princeton. 1994, p. 60 - 61.

37. БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 99 - 100.

38. SCHMIDT H. Prinz Eugen und Marlborough. - Prinz Eugen von Savouen und seine Zeit. Freiburg, Wurzburg. 1986, S. 136.

39. Кардинал де РЕЦ. Ук. соч., с. 322.

40. VAN KLEY D.K. The Religious Origins of the French Revolution. New Haven and London. 1996, p. 65 - 74.

41. Memoires de Louis XIV. P. 1978, p. 81.

42. Lettres de Madame Dechesse d'Orleans nee Princesse Palatine. P 1981, p. 92.

43. DULONG C Op. cit, p. 290 - 300; RANUM O. The Fronde. N.Y., Lnd. 1993, p. 267.

44. TREASURE P. Op. cit, p. 310.

45. DETHAN G. Op.cit, p. 323 - 326.

46. Ibid., p. 328.

47. TREASURE G. Op. cit., p. 309.

